

«Мы плывём на корабле, – думает Лена. – На большом корабле с белыми парусами».

Лена смотрит в окно. Ей виден краешек неба. Всё правильно, ведь окно – это иллюминатор. Много из него не увидишь.

Корабль качается на волнах. Лена закрывает глаза. Надо заснуть. Сон подгоняет время. Во сне корабль плывёт быстрее.

Лена устала ждать конца плавания. Больше всего на свете Лена не любит ждать. Ожидание подтачивает силы, давит на сердце, мешает вздохнуть.

Ожидание похоже на скучный урок, когда голова отключается и премудрости арифметики ускользают, теряются, а звонка почему-то всё нет и нет.

Откуда всплыло это воспоминание? Лена давно не была в школе. Очень давно. С тех пор минула целая жизнь. Лена помнит последний урок, побелевшие пальцы, машину с сиреной.

Больше в школу её не пустили. Мама с папой непривычно тихими голосами вразнойбой говорили: «на какое-то время...», «обучение на дому...», «вот наступит весна...». Лена радовалась и удивлялась: неужели больше не надо вставать по утрам?

Кукла Даша одобрила новую жизнь. Можно было играть и гулять целый день напролёт. Лена твёрдо решила воспитать Дашу истинной путешественницей. Сшила модный спортивный костюм. Но потом оказалось, что на улицу тоже нельзя.

Зато приходили гости. В основном одноклассницы. У Лены было много подруг. Говорили о школьных заботах, шептались о мальчиках. Лене не было дела до мальчигов, но приятным казалось доверие.

Понемногу подруги заходить перестали. Вместо них приходили взрослые, незнакомые. Задавали вопросы, смотрели, шептались с родителями. Лена этих, чужих, не любила. От них пахло карболкой и ложью.

При чужих родители говорили негромко. Но лишь гость ступал за порог – начинали кричать друг на друга. Мама кричала на папу,

папа на маму, бабушка на них обоих. И только на Лену никто не кричал. Поэтому Лена кричала на Дашу. А Даша хлопала ресницами и повторяла, как заведённая: «Всё образуется, всё образуется, ну чего же ты? ну?»

Тогда ещё не было корабля с капитаном, и дом не казался пустым. Лена в ту пору не знала, что они с Дашей вправду окажутся путешественницами. Она шила Даше наряды, учила её разным танцам.

Странно думать об этом теперь, на корабле, в белоснежной огромной каюте.

Лена отворачивается к стенке, гладит Дашу по голове. Засыпает. Волны шумят за кормой.

...Наутро Лена весёлая. Солнце светит в иллюминатор. Корабельный кок привозит тележку с завтраком. После завтрака – мультики.

Лена с Дашей внимательно смотрят, как серый, совсем почему-то не страшный Волк гоняется за каверзным Зайчиком. Лена болеет за Волка, а Даша за Зайчика. Даше всё время везёт, а Лене не очень. Это Лену не удивляет, ведь Даша такая правильная. Даша сильная, намного сильнее Лены.

Бабушка говорит:

– Ты справишься, Леночка. Ты должна быть сильной.

– Зачем? – отвечает Лена. Ей давно уже ясно: хоть ты сильный, хоть слабый, а корабль плывёт своим ходом. Ни быстрее, ни медленней.

Но бабушка Лену не слышит. Присев на краешек койки, бабушка гладит Лену по голове, как в прежние тёплые времена. Рядом на тумбочке лежит расчёска. Бабушка её не берёт.

Лена смотрит в иллюминатор. Там виден айсберг, пушистый и мягкий. За ним другой, чуть поменьше.

– Не молчи, – просит бабушка. – Помнишь стихи, что мы с тобой учили? «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...»

Лена помнит. Она читала стихи в школе, а потом маме с папой. Ей становится грустно.

– Ну что ты? – говорит бабушка. – Всё образуется. Ты скоро вернёшься домой.

Лена прижимает к себе Дашу крепче. Домой... Лена не хочет домой. Дома пусто и холодно. Мама с папой уже не ругаются. Дом опустел незаметно. Лена помнит: папа ссутулился, стал пропадать на целые дни, а потом и вовсе исчез. А мама с бабушкой как воды в рот набрали, ничего от них не добьёшься. «Где папа?» – «Он в другом городе». – «А когда он вернётся?» – «Потерпи, Лена, всё образуется».

Лена привыкла терпеть. Но теперь она больше не верит словам. Особенно тем, которые «обязательно», «скоро» и «любит».

К ней сюда, на корабль, мама как-то привела непонятого дяденьку. Дядька был с бородой, в чёрном платье с подолом, и пахло от него не карболкой, а чем-то другим. Но Лене он всё равно не понравился.

Чёрный дядька рассказывал Лене всякие странные вещи. Лена узнала, что есть человек, который всех любит, а особенно Лену. Человек обитает на айсберге, о который мы все разобьёмся. С верха айсберга он видит всё и готовится Лену спасти. Если корабль потонет, человек этот вытащит Лену. А если Лена будет стараться, человек спасёт её ещё раньше, так что даже тонуть не придётся.

– А Дашу он тоже спасёт? – задала вопрос Лена.

Чёрный дяденька улыбнулся и вновь заговорил непонятно. Но Лена усвоила: вряд ли. Человеку на айсберге мало дела до Даши.

– Как же так! – возмутилась тогда Лена. – Ведь Даша совсем исхудала и плохо переносит качку.

Лене хотелось схватить непонятого дядьку за бороду, дёрнуть, чтобы он замолчал и ушёл. Но Лена была воспитанной девочкой и просто отвернулась к стене.

Дядька ещё пожужжал немного, погладил Лену по голове, совсем как бабушка, и исчез.

– Он всё-таки добрый, – утешила Лену Даша. – Просто глупый. В своей бороде, как Хоттабыч, запутался, вот и бубнит невесть что.

Лена долго молчала тогда. И корабль попал в шторм. А потом приходил капитан. Капитан был высокий и статный.

За ним следом ходили помощники и помощницы – все красивые, молодые, в белых морских плащах.

Пассажиры в каюте, присмирив, перешёптывались:

– Доктор-Зорин пришёл.

Капитан Доктор-Зорин нравился Лене. Он не прятал глаза за журчанием слов. Не вздыхал об исчезнувшем прошлом, не предсказывал будущее. И всегда был добр к Даше.

Лена чувствовала: капитан своё дело знает, и корабль в надёжных руках. С таким капитаном не страшны ни бури, ни айсберги. Но от плаванья Лена устала. Ведь нельзя же странствовать вечно?

В одну особенно сильную бурю капитан прописал Лене спасательный трос. Чтобы Лену не смыло за борт, ей к руке прикрепили тросик, и Лена долго лежала, глядя в белые паруса. Внутри тросика сочилось море – медленно, тихо, по капле. И Лена верила, что море не страшное. Его можно вычерпать, разложить на сто тысяч капель. И по капле его переплыть. Нужно только терпение.

Но терпения не хватало.

Мама с тенью в глазах спросила тогда капитана:

– Ну как? Неужели? Скажите?

Капитан Доктор-Зорин отвёл маму в сторону. Им казалось, что Лена заснула, но они ошибались.

– У неё был бы шанс, – сказал капитан. – Если б только она захотела помочь нам. Лена сильная девочка. У неё есть характер. Конечно, этого мало. Обнадёживать вас не хочу. Диагноз коварен, мы все это знаем, и всё же... Случается разное. Но когда нет желания... Её просто ничто здесь не держит.

– А я? – бесцветно спросила мама.

– Вы – да, – подтвердил капитан. – Но не только в вас дело.

Голоса их притихли, и Лена услышала море...

...Новый день наступает, и ещё, и ещё. Лена прищипывает время, завивает его колечками.

За иллюминатором – небо. Даша капризничает:

– Нам не выбраться из каюты! Никогда! Никогда! Здесь так тесно, так душно... Эти стены – тюрьма. Паруса – это саван.

– Даша, будь человеком, – сердится Лена. – Волноваться тебе не полезно. Я в ответе за твоё самочувствие.

Даша жалобно морщит мордашку:

– Я тоскую по вольному ветру...

Входит мама. Говорит:

– Погляди, вот хорошая книжка. Видишь, этот мальчик со шрамом – волшебник.

– Знаю, я же смотрела кино, – отвечает ей Лена.

Но мама не сдаётся:

– А вот это волшебная школа.

– Помню. Там такой древний замок.

– Так нельзя, – мама хмурится. – Почему ты всё время молчишь?

– Я говорю, – возражает ей Лена. – Просто ты не замечаешь. И бабушка тоже. Никто, кроме Даши, не слышит.

Мама закрывает книжку и гладит Лену поверх одеяла.

– Включить тебе мультики?

– Не надо, – отвечает Лена.

Мама медлит. Включив телевизор, уходит.

На экране появляется Волк с жёлтой рыбиной в лапах. Лена закрывает глаза. Нету сил болеть ещё и за Волка.

...Проходят дни. В океане тревожно. Где-то далеко, за тысячу морских миль, есть берег, и там сейчас осень.

В иллюминаторе мгла. У Лены в голове крутится стих про бурю. Буря действительно не стихает. Трудно разглядеть что-то во мгле. Если там прячется айсберг, корабль утонет.

Капитан тоже мрачен. Мама больше не спрашивает его ни о чём. Бойтся.

Корабельный кок увозит тележку. Лена не хочет есть. Когда катастрофа случится, потребуются шлюпки, а в шлюпках всегда мало места. Поэтому Лене и Даше нужно быть худенькими.

Мама с бабушкой тоже в каюте. Они раньше редко сидели вдвоём; обычно то мама, то бабушка. А если уж обе, то всегда разговаривали. Теперь молчат. Телевизор тоже молчит.

Перед глазами у Лены мельтешат золотистые точки. Это волшебные пчёлы. Значит, можно загадать желание. Но желаний у Лены сейчас нет, хочется только, чтоб пчёлы исчезли.

Открывается дверь. Наверно, опять капитан? Он рискует, думает Лена. Нельзя же бросать штурвал в такой шторм.

Но это вовсе не капитан.

Лена видит, как мама и бабушка вскакивают, будто пружиной подброшенные. У бабушки перепуганный вид, мама бледная как полотно.

Лена моргает и, сквозь дрожащий рой пчёл, замечает: в каюту ворвался папа.

– Ах! – говорит кукла Даша и закатывает глазки, как когда-то, в тёплые времена.

Папа снова такой, как был прежде, совсем не сутулый, только небритый. На папе зелёная осенняя куртка. Лена помнит, какой в куртке мех – мягкий и добрый.

– Ни за что! – шепчет бабушка, и в словах её яростная решимость.

– Ну уж нет, – улыбается папа, бросается прямо к Лене, поднимает с постели, прижимает к себе: – Ох, какая ты стала...

Мама беззвучно шевелит губами. В лице у неё ни кровинки.

Бабушка отступает:

– Ей же нельзя! – говорит уже как-то беспомощно. – Ты ведь знаешь...

Папа не обращает внимания. Он обнимает Лену, и Лена вся дрожит, уткнувшись лицом в папину куртку.

– Папа, – шепчет Лена тихонько.

– Я здесь, – отвечает ей папа. – Я больше тебя не оставлю.

– Слышишь? – мама спрашивает у бабушки. В мамином голосе измучение. – Лена... заговорила...

Папа садится с Леной на койку. Бережно поднимает упавшую Дашу.

Подходит мама, кладёт папе руки на плечи.

– Я думала, ты там... – произносит она неуверенно.

– Я и был там, – отвечает папа. – Но мне там совсем не понравилось.

– Разве возможно?... – спрашивает мама.

– Если постараться, – отвечает папа серьёзно. – Надо только сильно этого хотеть.

– Вот Зорин говорит, что Лена не хочет, – вспоминает мама. Вид у мамы снова поникший.

– Не хочешь? – папа с улыбкой смотрит на Лену. – Совсем ничего не хочешь?

У Лены дрожат ресницы. И голос дрожит. Она говорит:

– Мы с Дашей... хотим... на берег...

– Ну вот, – соглашается папа. – Поедем, значит, на берег.

– Когда? – спрашивает Лена.

– Сейчас! – папин голос... и мамин. Лена даже не верит: ведь они сотню лет вразной говорили, а тут вдруг вместе.

– Вы с ума сошли! – восклицает бабушка. – Вы забыли, в каком она состоянии?

– Спокойно, – говорит папа. – Зорин сам... Не всё сразу. Постепенно. Начнём со двора.

И вновь обращается к Лене:

– До берега далеко. Нам надо освоить катер. За один раз не выйдет. Но мы будем учиться. Правда, Лен? Начинаем сегодня.

– Хорошо, – шепчет Лена.

А потом настает суета. Появляется капитан. За ним – много-много помощников. Капитан спорит с папой. Помощники возятся со спасательным тросом. Лену жалит противный комар. Но Лена терпит, ведь скоро появится катер.

Бабушка ворчит, как когда-то ворчала дома. Мама укутывает Лену в одеяло. А папа набрасывает Лене на плечи свою меховую зелёную куртку.

Даша вспоминает, что она тоже путешественница, и прыгает Лене в руки.

Капитан наконец пожимает плечами, и в каюту въезжает блестящий катер на упругих колёсах.

Лену с Дашей сажают вперёд.

Сзади становятся папа и мама. Правее шествует бабушка. Рядом двое матросов-помощников.

Раздаётся свисток капитана. И катер медленно выплывает из каюты. Вперёд, туда, где затиш морской шторм, где дует спокойный ветер и качаются в небе снежно-белые айсберги. Они мягкие, как пушистая папина куртка, и разбиться о них невозможно.

Ветер дует Лене в лицо. Над волнами кружат листья клёна. А на губах у Лены расцветает улыбка.